

Ольга Трушкина

*Лилькины
истории*

Военное и послевоенное время глазами
ребенка

Ольга Трушкина

**Лилькины истории.
Военное и послевоенное
время глазами ребенка**

«Издательские решения»

Трушкина О.

Лилькины истории. Военное и послевоенное время глазами
ребенка / О. Трушкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835725-1

Это воспоминания моей мамы Лилии о страшных и тяжелых временах для
всех советских людей — Великой Отечественной войне. Но и в те нелегкие
годы дети оставались детьми...

ISBN 978-5-44-835725-1

© Трушкина О.
© Издательские решения

Содержание

Лилькины истории	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лилькины истории
Военное и послевоенное
время глазами ребенка
Ольга Трушкина

© Ольга Трушкина, 2016

ISBN 978-5-4483-5725-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лилькины истории

Давным-давно закончилось мое детство, пролетело ярким разноцветным вихрем. Пришлось оно на страшное военное время, тяжелые послевоенные годы. Но, как ни странно, с тем периодом у меня связаны и хорошие, светлые воспоминания. Хочу рассказать вам несколько историй из моего далекого детства.

Картофельные котлетки

До войны наша семья жила в городе Туапсе на Черном море. Тогда мне было четыре года, а сестричке Инне – шесть.

Одно прекрасное летнее утро началось воем сирен и грохотом канонады, так в нашу жизнь вошла война.

Отца призвали в первые же дни, направили в летное училище.

Прощание было очень грустным. Мама плакала, мы с сестрой ревели, и, прижимаясь к отцу, умоляли взять нас собой.

Папа обещал, что скоро мы опять будем вместе, он придет за нами, как только устроится сам.

Поезд тронулся. Папа стоял на подножке вагона, махал нам рукой и что-то долго кричал, но в общем гаме было невозможно разобрать слова...

Трое суток провели на вокзале, пытаюсь хоть на чем-нибудь добраться до Махачкалы. Мы с сестренкой сидели на вещах, зорко следя за тем, чтобы ничего не утащили, а мама бегала то к начальнику вокзала, то искала попутку.

Ели хлеб и консервы, пили кипяток, за которым приходилось стоять в огромной очереди. Никто не соглашался ехать в сторону Махачкалы.

– Не умирать же нам здесь, проживем немного у другой бабушки в Нальчике, а затем поедем в Махачкалу, – сказала мама и отправилась искать машину.

В толпе людей сновали какие-то подозрительные личности и предлагали за немислимую сумму доставить желающих в Нальчик. Денег у нас не было. Но маме уговорить одного шофера, посадить нас в свой грузовик. За это она отдала золотое обручальное кольцо.

Машина уже была набита людьми, нам с трудом удалось втиснуться между ними и их чемоданами. Так мы доехали в Нальчик. А когда вылезли из грузовика, мама обнаружила, что пропал кошелек с хлебными карточками – это была страшная потеря, но главное: мы добрались живыми и невредимыми.

Нашему появлению не очень-то обрадовались, на иждивении бабушки Ирины Александровны было три дочери-подростка. Да и места было маловато, всего две комнаты и кухня. Мама успокоила бабушку, что мы всего на несколько дней. Никто не знал, что война заставит нас надолго остаться в Нальчике.

Бабушка работала санитарным врачом на рынке, проверяла качество продуктов, но даже ей лишь иногда удавалось добывать что-нибудь съестное: банку молока или немного овощей.

Жили впроголодь. Ели один раз в день, варили похлебку, в нее шло все, что было в доме – крупа, картошка, консервы, овощи. Этого было недостаточно, и нас терзало постоянное чувство голода. Кусочек хлеба считался лакомством.

Много раз мама собиралась уехать, но обстановка была опасная и бабушка нас не пускала.

– Проживем как-нибудь все вместе, пока не получим известие от твоего мужа.

Близилась зима, немцы наступали, в городе началась паника. Власти удирали, захватив с собой все, что можно было увезти, даже мебель и комнатные растения. В то время, как многие люди уходили пешком из-за нехватки транспорта.

Мы остались, бежать было некуда и не на чем.

По городу пронесся слух, что опустевшее здание Горсовета заминировано и вот-вот взорвется. Но в его подвалах остался большой запас картофеля, который закупило для себя начальство, но не успело вывезти.

Толпы голодных людей начали стекаться к Горсовету, пришла и мама с сестрами. Все стояли и обсуждали, как добыть эту желанную, вожаденную картошку и остаться в живых. Никто не решался спуститься вниз.

Мама всегда отличалась решительностью и была храброй до безрассудства. Она вдруг собралась с духом и полезла в подвал. Толпа с ужасом наблюдала за ней, постепенно отходила на безопасное расстояние, затаив дыхание, ждала: что же будет? Вскоре мама появилась с мешком отборной картошки. Ее приветствовали радостными криками.

Мама спускалась в подвал еще дважды и вынесла три мешка. Этот картофель спас нашу семью от голодной смерти.

Некоторые люди последовали ее примеру, им удалось вынести большую часть правительственного запаса. Но одному старику не повезло, он напоролся на мину. Здание взлетело на воздух.

Фронт приближался. На подступах к городу шли ожесточенные бои. В каждом дворе вырыли окопы – щели, в которых прятались люди во время бомбежек.

Все чаще и чаще нам приходилось укрываться в щели, нередко мы там проводили всю ночь. Было очень страшно, осколки снарядов и пули пролетали прямо над головами.

Мы, маленькие дети, не понимали, что нам угрожает смерть. Когда свистели пули, мы спрашивали маму:

– Как это может быть? Ночь, а птички поют?

– Да, милые. Птички поют, это особые, ночные птички, – отвечала она и еще крепче прижимала нас к себе.

Одна старушка-соседка говорила:

– Молитесь детки, вы еще безгрешные, Бог скорее вас услышит.

И я с жаром молилась, повторяя за ней непонятные слова:

– Услышь меня пресвятая Богородица, накрой меня своим омофором!

Кто знает, может эта молитва и спасла нас от смерти?

Через несколько дней в город вошли немцы. Сначала показались автомобили и мотоциклы, затем с ревом и скрежетом проехали танки и пушки.

Всех заставили выйти на улицы и приветствовать немецкую армию. Детям раздавали флажки со свастикой и заставляли кричать:

– Хайль Гитлер!

Немецкий офицер выкрикивал в рупор:

– Граждане, соблюдайте порядок и выполняйте приказы коменданта.

Так началась жизнь в оккупации. На столбах появились объявления, которые кончались словами:

– За не выполнение – расстрел!

Нужно было что-то делать, чтобы прокормиться. Решили торговать на рынке картофельными котлетками.

Мама выменяла свое единственное оставшееся украшение – золотые серьги на бутылку подсолнечного масла и немного кукурузной муки. Стали жарить котлетки, мы называли их «картофельниками». Какие они получались красивые! Обваленные в кукурузной муке, они были золотистыми и румяными. Мы, глотая слюну, жадно наблюдали за процессом приготовления, надеясь получить хоть что-нибудь. Иногда нам перепадала перемятая бракованная котлетка. Какая она была вкусная!

Готовые картофельники складывались на поднос и заворачивались в полотенце, чтобы не остыли.

Немецкие солдаты их очень хорошо раскупали. Глядя на желтые, аппетитные котлетки они спрашивали:

– А яйца там есть?

– Я, я, яйца есть, отвечала мама, хотя кроме картошки, муки и соли в них ничего не было.

Благодаря нашей торговле семья стала лучше питаться, иногда даже позволяли себе кусочек мяса или сала, который отправлялся в нашу ежедневную похлебку.

Однажды случилась страшная история. Мама взяла нас с собой на рынок, обещая после продажи котлеток купить мне и сестренке по петушку на палочке. Это было настоящим счастьем. Мы весело болтали, рассуждая, какой петушок вкуснее: красный или зеленый?

Мама разложила товар на прилавке, сняла полотенце и стала зазывать покупателей звонким голосом. Торговля шла бойко, уже через полчаса, половина картофельников была продана.

Вдруг к прилавку подошел немецкий солдат с автоматом. Он был огромного роста, с красным одутловатым лицом и пронзительными маленькими глазками. Фашист пристально посмотрел на маму и своими огромными ручищами стал хватать с подноса котлетки и одну за другой отправлять их в рот. При этом он что-то говорил на немецком, игриво причмокивая языком.

Мама сразу же поняла, что немец пристает к ней, и поспешила скорее от него отделаться. Она строго спросила:

– А кто будет платить?

Солдат сделал вид, что не понял и продолжал жрать, как ни в чем не бывало. Мама еще раз задала вопрос:

– А деньги?

Фашист не ответил, перестал жевать и, бесцеремонно разглядывая маму, закурил папиросу. Она рассердилась и сказала:

– Что вылупился? Плати деньги и убирайся!

Тогда фриц покраснел еще больше, швырнул недокуренную папиросу на землю и гаркнул по-русски:

– Подними!

Мама не двинулась с места, только стиснула зубы. Мы испугались, прижались к ее юбке и заревели.

– Подними! – еще раз грозно крикнул солдат, наводя на нас автомат, и добавил что-то по-немецки.

– Убирайся отсюда, фашистская сволочь, – тихо, сквозь зубы ответила мама и плюнула на все еще дымящийся окурок.

Немец стоял, как вкопанный, с автоматом наперевес, размышляя: стрелять или не стрелять? Вначале он посчитал свою выходку милой и безобидной шуткой, но дело приняло серьезный оборот.

Мы с сестрой горько плакали, мама спрятала нас за спину. Вокруг стали собираться женщины. Все уговаривали ее:

– Ну, подними же, что тебе стоит? Ведь он застрелит тебя и твоих детей.

Но мама стояла молча, не шелохнувшись. Неизвестно чем бы могла закончиться эта история. Но тут подошел немецкий офицер, совершавший утренний обход, в сопровождении трех вооруженных солдат. Быстро оценив обстановку, он приказал подчиненным арестовать обидчика, извинился перед мамой, купил весь оставшийся товар, и гордо задрав подбородок, с пафосом произнес:

– Доблестная немецкая армия не воюет с женщинами и детьми!

Затем он медленно удалился. Хотел ли таким поступком фашистский офицер завоевать симпатию местных жителей, или он оказался хорошим добрым человеком? Для нас, в тот момент было не важно, мы об этом не думали. Главное – мы были спасены, и только тогда мама

осознала, какой опасности подвергались она и ее дети. Обняла нас, заплакала и увела домой. Ни о каких петушках в тот день мы даже не вспомнили.

После этого случая, мама и ее сестры не выходили на улицу, без низко надвинутых на лоб платков. Бабушка сказала, что нельзя показывать немцам свою красоту. Молодых женщин фашисты мучают и увозят в Германию.

Шли дни, наполненные тревогой и страхом. Люди разговаривали в полголоса, боясь навлечь на себя несчастье. По городу ползли слухи, что расстреливают коммунистов и евреев вместе с семьями, а молодежь угоняют в Германию на тяжелую работу.

Вестник

Мы, дети, с трудом понимали, что происходит и что такое война, слишком были малы. Постоянное чувство голода и страх – это все, что мы чувствовали тогда...

Невозможно передать словами тот ужас, который я испытывала, когда повсюду грохотали снаряды и взрывались бомбы. Мне хотелось сжаться в маленький, очень маленький комочек и стать совсем незаметной. Мы с сестрой, постоянно плакали, даже не понимая, что можем погибнуть в любую минуту. Нам просто было страшно и очень хотелось есть...

В то время все люди верили, что война скоро закончится, ведь наша Родина такая могучая и сильная, а наша Армия непобедимая. Через два три месяца фашисты будут разбиты и с позором побегут от нас. Но всё оказалось совсем не так. Война затянулась на долгие годы и принесла людям много горя и страданий.

Бабушка жила с тремя младшими дочерьми в большой просторной квартире в центре Нальчика.

Помню, что мамины сестры показались мне очень красивыми молодыми девушками.

Старшей – Лике было в то время восемнадцать лет. Она только что окончила среднюю школу с отличием и собиралась поступать на физмат в пединститут. Война разрушила ее планы: пришлось устроиться на работу в госпиталь, чтобы как-то выжить. Одной зарплаты бабушки на всех не хватало. Ирина Александровна была санитарным врачом, работала на рынке – проверяла свежесть продуктов.

Две младшие девочки учились в школе: средней – Алле было шестнадцать лет, она мечтала стать балериной, занималась в танцевальной студии. Самой младшей – Кире недавно исполнилось четырнадцать. Это была веселая, подвижная девочка, очень добрая и симпатичная.

С первых же дней мы нашли с ней общий язык, и, несмотря на разницу в возрасте, Кира стала нашей лучшей подругой. Она оказалось большой выдумщицей: постоянно сочиняла страшные истории, сама в них верила и очень боялась оставаться в темноте одна, опасаясь злых ведьм и ужасных чудовищ.

А еще у бабушки была замечательная собака – немецкая овчарка по кличке Вестник. Молодой красавец-пес был очень умным и добрым, он участвовал наших играх, выполнял команды и, даже, разрешал садиться на себя верхом. Мы с Инной, по очереди, катались на нем.

Гулять с Вестником стало самым большим удовольствием для нас.

Так мы и жили все вместе, переживая трудности, и верили, что война очень скоро закончится.

Время шло, положение на фронтах все ухудшалось, мама с тревогой ожидала писем от отца, они приходили очень редко, это заставляло ее постоянно нервничать.

Каждое папино письмо было настоящим праздником. Его перечитывали по многу раз, даже мы, маленькие дети, знали все строки из писем наизусть. Отец за полгода окончил летное училище и стал военным летчиком, летал на истребителе и громил фашистов.

Мы очень гордились своим отцом и во дворе рассказывали детям о его подвигах. Сводки новостей по радио становились все тревожнее. Немцы брали города один за другим. Запасы

в доме просто таяли. Еды постоянно не хватало, а ртов было семь, да еще и собака. Бабушка иногда приносила с рынка кое-какие продукты: то бутылка молока, то кусок мяса. Продавцы ей давали за разрешение на торговлю. Но этого не хватало, есть хотелось все время.

У мамы были некоторые золотые украшения, и она время от времени обменивала их на продукты – муку, картошку, сало, постное масло, и наконец, у нее осталось лишь одно золотое колечко с крошечным бриллиантом, с ним она ни за что не хотела расставаться. Это был подарок от отца в день их бракосочетания.

Прошло больше года, а война все не кончалась. Время тянулось очень долго. К осени 42-ого мы настолько обеднели, что ели только один раз в день. Обычно это был какой-нибудь суп, заправленный капустой, картошкой или крупой. Все ходили грустные и вялые, ничего не хотелось делать, даже мы забросили все игры.

Особенно тяжело было собаке. Вестник очень похудел, он мучился от голода, но никогда не просил есть – чувствовал, что все голодные, и нет надежды на то, что в миску ему что-нибудь положат. Он даже был согласен на вареную капусту, но и она доставалась ему очень редко. Пес тихонько лежал на своей подстилке и только тяжело вздыхал, грустно глядя на своих хозяев. Единственной радостью в жизни собаки стали прогулки. Он весело бегал за палочкой, по команде прыгал через скамейки в сквере, забывая о голоде. Однажды случилось так, что пес убежал, и сколько бы его ни звали, не откликнулся. В этот день мы пришли домой без собаки и думали, что больше никогда не увидим ее.

К вечеру Вестник вернулся домой с виноватым видом. Сразу было заметно, что он что-то ел. Но где и как он добыл пищу, нам было неизвестно.

– Ну что ж, – заметила бабушка, – хорошо, что хоть кто-то из нашей семьи поел досыта. Не будем ругать за это Вестника, он молодец. Пусть теперь сам добывает себе пропитание.

Она погладила пса по голове.

Поняв, что наказания за проступок не будет, Вестник прижался к бабушке и начал лизать ей руки. С тех пор пес повадился исчезать каждый день, он возвращался домой довольный и сытый.

Как-то раз, уже под вечер, Вестник принес задушенную полуоципаную курицу и положил ее на порог. Сам лег рядом, и, громко стуча хвостом об пол, как бы сказал: «Смотрите, я принес и вам еду, кушайте на здоровье!»

Всеобщему восторгу не было предела. Курицу разделали и сварили в большой кастрюле, засыпав бульон остатками вермишели. Еды хватило на два дня. Героя тоже не обделили: он ел суп и с удовольствием грыз куриные косточки.

Такие подарки Вестник делал нам еще не раз: иногда это было кольцо копченой колбасы, а чаще кусок сыра или хлеба. Мы радовались всем его подношениям. Но бабушка очень беспокоилась за собаку:

– Как бы с Вестником чего не случилось!. Его могут поймать на месте преступления, сильно избить или даже убить. Время сейчас голодное и очень жестокое.

Но воришке все сходило с рук, пес был удивительно хитер и умен. Поймать его было невозможно.

В середине октября резко похолодало. Топили печку-буржуйку, чтобы согреться. Вокруг нее собирались все домочадцы, на этой же печке готовили еду.

Вестник во время обстрелов и бомбежек не выходил из дома, он прятался под железной сеткой бабушкиной кровати. Псу казалось, что там безопаснее.

По радио звучали громкие предупреждения, о том, чего нельзя делать населению. За любое неповиновение грозили расстрелом.

Мы ходили на прогулки с собакой в наш любимый сквер. До оккупации там Вестник показывал разные трюки, вызывая восхищение зевак. Сейчас в сквере было безлюдно. Лишь

один человек – пожилой немецкий офицер постоянно наблюдал за нами. Он внимательно приглядывался к собаке. Несколько раз немец пытался заговорить с Кирой, но она тут же брала собаку на поводок, и мы убежали домой.

– Чего от нас хочет этот старый фашист? – негодовала Кира. – Наверное, собирается украсть нашего Вестника. Не отдадим ни за что! Он замучает несчастного пса.

Мы были полностью с ней согласны.

В тот злополучный день немецкий офицер появился снова, но теперь он действовал решительно.

– Медхен, медхен, да ты – обратился он к Кире, показав на нее пальцем. – Как имя твой зобашка?

– Вестник – недружелюбно ответила Кира и отвернулась.

– Веник? – удивился немец, – какой плохой имя для такой хороший зобашка.

– Вестник – раздраженно повторила Кира.

– Ааааа – Вестник, ошень змешной имя. Этот порода дойче хунде – немецкий овчар, ошень хороший. У вас он плохо кушать, совсем худой. Он скоро умирать. Я понимать, их бин доктор, зобачий доктор. Зобашка должен кушать мясо, много мясо.

– _ У нас нет мяса – ответила Кира.

– Я давать Вестник много мясо. – затем фашист перешел на немецкий и что-то долго объяснял Вестнику, глядя его по голове.

Вестник грозно рычал, но укусить незнакомого дядьку не решился.

– Этот немецкий кровь, он понимать язык! – радостно сообщил офицер.

– Нет, он русский, – возразила Кира.

– Пойдем к вашему маме. Я не отнимать зобашка у детей. – фашист взял Вестника на поводок и решительно зашагал к нашему дому, оказалось, что он знает, где мы живем.

– Он нас выследил, гад – прошептала Кира.

– Ваш Вестник будет кушать много мясо и служить Великой Германии!

Бабушка из окна увидела нас в сопровождении немецкого офицера и очень испугалась.

– Дети, что вы натворили! – она выбежала навстречу.

– Он хочет забрать нашего Вестника.– Мы заревели в три голоса.

– Как забрать? – испугалась бабушка и тут же обратилась к офицеру по-немецки.

Во время этого разговора фашист очень внимательно приглядывался к бабушке, будто решая для себя какой-то вопрос.

– Все будет хорошо, фрау, – продолжил он по-русски. – Я давать вам продукты, а зобашка забирать себе. У вас все равно он скоро умирать.

Мы поняли, что фашист настроен серьезно и не вернет нам собаку. Немец твердой рукой взял поводок и пошел прочь, уводя с собой упирающегося пса. Тот поджал хвост, и, постоянно оглядываясь, уныло плелся за немцем.

Вестник понял, что больше никогда не вернется домой.

Мы долго стояли в дверях, не веря тому, что случилось. А бабушка успокаивала нас, говоря, что Вестнику так будет лучше. Теперь его будут хорошо кормить, а фашист не обидит собаку, он ветеринарный врач.

Но нам все равно было очень грустно.

Немец не обманул нас. Вскоре солдат принес большую картонную коробку с продуктами: там были консервы, галеты, сгущенное молоко и шоколадки. Мы давно не ели такой вкуснятины. Но даже эти сладости не радовали, все понимали, что это выкуп за любимую собаку.

Последующие два три дня все мысли и разговоры были только о Вестнике: что он сейчас делает? Вспоминает ли о нас?

Бабушка продолжала нас успокаивать, что у Вестника все в порядке, но при этом тяжело вздыхала и тайком вытирала слезы. Как-то вечером мы случайно услышали разговор бабушки

с мамой, из которого поняли, что обе они не верят в доброту и порядочность немецкого ветеринара.

– Я думаю, что этот фашист адрессирует Вестника, чтобы натравливать его на наших солдат и пленных, – грустно сказала бабушка.

– Все может быть, – подтвердила мама, – идет война. Немцы совсем озверели.

Несколько последующих днем мы не выходили гулять, без Вестника стало неинтересно.

На память Кире от Киры

Несколько последующих дней мы не выходили гулять, без Вестника стало неинтересно. Только рыжий Женька, который видел, как уводили собаку, переживал горе вместе с нами. Его мама тетя Клава дружила с нашей мамой. У женщин было много общего – мужа воевали, каждое полученное с фронта письмо они перечитывали друг другу по много раз и делились впечатлениями. Но сейчас, во время оккупации, весточки с фронта перестали приходить.

Осень выдалась холодная и дождливая, дни казались длинными и скучными, нам, детям, нечем было заняться. Взрослые были заняты добыванием еды. Правда, благодаря выкупу за Вестника, наше питание улучшилось. Суп с тушенкой был очень вкусным и сытным, но припасы надо было экономить.

По городу ходили тревожные слухи, что арестовывают коммунистов и евреев. Мама не разрешала бабушке выходить из дому – она у нас была еврейкой. Об этом мы с сестрой, узнали совсем недавно. Раньше думали, что мы все русские.

Наш папа был русский, у нашей семьи была русская фамилия. Внешность же бабушки сразу вызывала подозрения – красивая, темноглазая, кудрявая брюнетка. Ей нельзя было попадаться на глаза фашистам. Маму очень беспокоило, что ветеринар хорошо разглядел бабушку и разговаривал с ней по-немецки.

– Пока идут аресты, тебе было бы лучше куда-нибудь уехать, – уговаривала она бабушку.

– Мне куда ехать, да и как я вас оставлю? Не преувеличивай опасность, все обойдется, – отвечала та.

Но трагедии избежать не удалось. В тот страшный день мама с утра отправилась на рынок, обменять вещи на крупы и муку для заправки супа. Мы с сестрой пошли в гости к рыжему Женьке, у него был день рождения. По этому случаю, тетя Клава напекла кукурузных лепешек и заварила ароматный морковный чай. Бабушка и мои тети оставались дома. Вдруг Клава вскрикнула и прильнула к окну.

– Тихо дети, тихо, немцы идут! Девочки! Они идут к вам в квартиру! Чует мое сердце, быть беде!

Мы с сестрой кинулись к дверям, но соседка остановила нас.

– Стойте, и отойдите от окна. Я сама посмотрю, что будет дальше. – она задернула занавеску и через узкую щелочку наблюдала за происходящим.

Мы замерли на месте, боясь пошевелиться. Вскоре послышались громкие женские крики. Я узнала голоса бабушки и моих тетушек. Трое немецких солдат выталкивали из дому наших родственников и выводили со двора, направив на них оружие. Бабушка обнимала дочерей и что-то кричала по-немецки. Было понятно, что она просила отпустить девочек и взять только ее.

Мы не смогли выдержать этих криков и бросились к окну. Кира заметила нас и хотела позвать, но бабушка зажала ей рот рукой.

Как сейчас вижу заплаканное личико моей любимой Киры и ее огромные синие глаза, полные ужаса...

Мы стали рваться во двор, но тетя Клава, крепко держала нас за руки.

– Тише детки, успокойтесь, их скоро отпустят, это недоразумение, вот увидите! Я пойду встречу вашу маму, предупрежу, чтобы не возвращалась домой. А вы сидите тихо и не высовывайтесь, – она накинула пальто, повязала платок, вышла и заперла дверь на ключ.

Ожидание показалось нам вечностью. Наконец, когда стемнело, две легкие фигуры крадучись перебежали через двор. Скрежет ключа в замке показался нам спасением.

Мама прижала нас к себе и, рыдая, произнесла:

– Как хорошо, что вас не было дома! Что же нам теперь делать? Пойду в комендатуру и попрошу начальника освободить их!

– Даже не думай, Галочка. Их не спасешь и себя погубишь. Никто не станет тебя слушать. Может все так обойдется, твои сестры тоже русские, их должны отпустить! – возразила Клава.

– А что же станет с мамой?

Мы с ужасом смотрели на нее, никогда мы не видели нашу маму в таком состоянии. Тетя Клава напоила ее чаем. Женщины долго сидели на кровати и о чем-то шептались. Мы трое: я, Инна и Женька были так потрясены, что просто окаменели. Сидя на полу, даже не могли плакать. Эту ночь мы провели у соседки. Заходить в нашу квартиру было опасно.

Утром Клава пошла к своим дальним родственникам. Она хотела попросить, чтобы они приютили нашу семью на какое-то время.

– Постараюсь скорее вернуться, – она тихонько выскользнула из квартиры.

Вернулась Клава к вечеру с увесистым кульком кукурузной муки.

– Все в порядке? Никто вас не искал – спросила она.

– Нет, все в порядке, – ответила мама.

– Так вот, Галя, я договорилась с теткой Нюрой и ее сыном Федором, что они приютят вас, – сообщила она, устало опускаясь на табуретку. – Сегодня уже поздно, до комендантского часа добраться не успеем. Утром мы все вместе отправимся в дорогу.

Ночью женщины осторожно пробрались в нашу квартиру и собрали оставшиеся продукты и теплые вещи. Сложили скарб на тележку.

Утром отправились в дорогу. Путь был долгим. Родственники жили за городом. Опасаясь патрульных, мы шли проходными дворами и переулками. К счастью, нас никто не остановил.

Двухэтажный недостроенный дом располагался на самой окраине. За ним начиналось большое кукурузное поле, которое тянулось до самых гор. Урожай давно был собран и из земли торчали лишь засохшие стебли.

У ворот нас встретила хозяйка – пожилая женщина в стеганой телогрейке, это была баба Нюра.

– Замерзли, пострелята? – обратилась она к нам певучим голосом. – Я растопила печь и сварила вам кашу с салом.

Мы уютно расположились в просторной комнате на втором этаже. Было тепло, но с первого недостроенного этажа тянуло сквозняком, сквозь щели. Главное, мы почувствовали себя в безопасности, а кукурузная каша со шкварками, показалась нам райским кушаньем.

Во время еды баба Нюра расспрашивала маму о том, что случилось с нашей семьей. Вскоре после обеда тетя Клава с Женькой отправились домой.

К вечеру вернулся сын бабы Нюры – Федор. Он каждый день ездил в город на рынок продавать кукурузную муку и тем зарабатывал на жизнь. Каждое утро Федор запрягал в телегу старую кобылу Мушку и отправлялся торговать. Дядя, Федор в противоположность своей матери, казался очень суровым и молчаливым. Это был мужчина лет сорока, хромой от рождения, левая нога короче правой. Он очень сильно хромал. По этой причине Федора не взяли в армию, да и немцы не трогали, считая, что несчастный калека не способен причинить им вред.

Кобыла была настолько стара, что ни на что не годилась даже на мясо – кожа да кости. На всякий случай у дяди Федора в телеге всегда был самогон и если его останавливали для

проверки, этот «шнапс», как называли его немцы, помогал мужчине избежать всяких неприятностей. Бутылочка всегда служила ему пропуском.

Баба Нюра рассказала нам, что до войны Федор работал в колхозе сторожем на кукурузном поле. Ему даже разрешили построить этот дом, но достроить его не успели. Жилыми в доме были только две комнаты на втором этаже. Одну хозяева занимали сами, а вторую отдали нам.

Весь первый этаж служил складом, там хранились стройматериалы. Во дворе было много хозяйственных построек: хлев, стойло для лошади, сарай для телеги, мастерская. До оккупации у Федора было много скотины, немцы забрали всех кур, двух свиней и козу. Осталась только старая кобыла Мушка. От старости у лошади выпали почти все зубы. Бедняжка не могла нормально пережевывать траву и сено, поэтому Нюра варила для нее кашу из кукурузной крупы.

В сарае кроме сена стоял самогонный аппарат, который Федор смастерил сам. По ночам он гнал водку из кукурузы, чтобы было чем расплачиваться с немцами за свою свободу. Сам же никогда не пил.

С приходом немцев колхоз распался, все разбежались, урожай кукурузы убрать не успели. Пришлось Федору с матерью целыми днями работать, чтобы не пропало народное добро. Кукурузы было очень много, поэтому Федор разрешил всем желающим собрать оставшиеся початки. Время было голодное, и люди были рады.

Все свободные помещения – хлев, курятник, сарай и все остальное – были забиты кукурузными початками. Каждый день баба Нюра лушила кукурузу, отделяя зерна от кочерыжек. Мы тоже стали принимать участие в этой работе. Казалось бы, дело нетрудное, но к вечеру подушечки пальцев краснели, опухали и очень болели. Кукурузные зерна баба Нюра молола на ручной мельнице, делая из них крупу и муку, а сухими кочерыжками топили чугунную печку-буржуйку. Муку Федор продавал, или менял на продукты.

Дядя Федор никогда не был женат и не имел детей, о чем очень сожалела его мама:

– Видно не судьба мне иметь внуков! – с грустью говорила она. – До войны Федор так и не встретил подходящей женщины.

А мама утешала ее:

– Все еще будет, Нюра, только бы война поскорее закончилась. Он у вас мужчина видный и хозяйственный. И неважно, что хромым – найдет он свое счастье и народит вам внуков! Женщины грустно вздыхали, луца кукурузу, и думая каждая о своем. Действительно, по словам мамы Федор был интересным мужчиной: среднего роста, русоволосый, с глубоко посаженными светлыми глазами, которые настороженно смотрели на людей из под густых широких бровей. Весь его облик говорил о сильном и твердом характере.

В первые дни мы с сестрой его очень боялись, но вскоре поняли, что Федор добрый и отзывчивый человек, готовый помогать людям. Он люто ненавидел фашистов и, по мере своих возможностей, всячески им вредил, но с осторожностью, стараясь не привлекать внимания.

Позже баба Нюра рассказала маме, что ее сын был связан с партизанами, которые прятались в горах рядом с кукурузным полем. Благодаря своей относительной свободе Федор мог многое узнать и увидеть о передвижении и намерениях немцев. Самые важные сведения передавал посланникам партизан, когда связным удавалось пробраться ночью в дом Федора.

Баба Нюра передавала партизанам кукурузные лепешки, специально приготовленные для них.

Каждый день, когда Федор возвращался домой с рынка, мама с надеждой вглядывалась в его лицо, с надеждой, что он смог хоть что-то разузнать о наших близких. Но каждый раз мужчина отрицательно качал головой. Никто не говорит об арестованных людях.

К концу осени на улицах города стало беспокойно: гитлеровцы лютовали. Чаше стали хватать всех подозрительных, принимая за партизан. На главной площади было повешено

несколько подпольщиков-коммунистов, в Германию угоняли молодых женщин и девушек, но Федор уверял маму, что среди пленных не было ее сестер, он знал это точно.

Все ночи подряд мама плакала и часто выходила во двор, чтобы успокоиться. Мы с сестрой слышали сквозь ее рыдания слова: «Боже, как я смогу жить без вас, мои родные, как буду есть и спать?»

Эти ночные прогулки не прошли даром. Вскоре мама слегла с высокой температурой. Она жаловалась на невыносимую боль в левом ухе. Тетя Нюра старалась как-то облегчить ее старания – растирала спину водкой, закапывала в ухо какие-то капли. Но состояние мамы только ухудшалось. Нужен был врач.

Дядя Федор сказал:

– У меня есть знакомый – хороший хирург. Он работает в немецком госпитале. Это очень порядочный человек. Я знаю его уже много лет. Доктор остался в оккупированном городе, потому что не смог вывезти свою парализованную жену. Под угрозой расстрела его и других врачей, оставшихся в городе, немцы заставили работать в госпитале и лечить их раненых. Он тогда сказал мне: «В конце концов я врач, и мой долг – лечить людей, вне зависимости от того, враги они или друзья. Тем более, что я смогу доставать некоторые дефицитные лекарства, нужные для моей жены». – Я не имею права осуждать Антона Ивановича, – закончил свой рассказ дядя Федор и отправился к доктору домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.